

4. Локтионова, О. С. Зарождение и перспективы развития необанкинга [Электронный ресурс] / О. С. Локтионова // НОО Профессиональная наука. — Режим доступа: <http://scipro.ru/conf/01-10-012018>. — Дата доступа: 18.04.2020.

5. Группа «Тинькофф» выходит на европейский рынок [Электронный ресурс] // Ведомости. — Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/finance/articles/2020/02/06/822398-tinkoff>. — Дата доступа: 12.04.2020.

6. Финтех в России 2018: в поисках нового рынка [Электронный ресурс] // BloomChain Research. — Режим доступа: https://bloomchain.ru/Fintech_in_Russia_2018.pdf. — Дата доступа: 18.04.2020.

<http://edoc.bseu.by>

СНИЛ «Res Publica»

**К. Е. Гороховик, В. В. Короткина, Е. В. Пархалин,
Д. В. Кутняя, Н. С. Столяров**

Научный руководитель — кандидат исторических наук А. А. Киселев

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ И ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ТРАНСФОРМАЦИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

В статье анализируется влияние процессов глобализации и региональной интеграции на изменение национальной идентичности. Утверждается, что национальная идентичность является доминирующим типом идентичности в современном мире.

В современной политологической и социологической литературе достаточно часто излагается точка зрения, согласно которой глобализация приводит к распаду национальных государств и ослаблению национальной идентичности. Например, известный теоретик У. Бек писал, что «национальные общества и мировое общество не альтернатива, между двумя этими общественными формами имеется разрушительное отношение» [1, с. 181]. Основатель и бессменный президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб отмечал влияние глобализации на «переопределение личной идентичности»: «В прошлом люди в наибольшей степени идентифицировали себя и свою жизнь по определенной местности, этнической группе, конкретной культуре или даже языку. Возникшая вовлеченность в онлайн-взаимодействия и большая возможность соприкосновения с идеями других культур означает, что идентичность в настоящее время стала более многосторонней, чем прежде. Люди сейчас испытывают гораздо меньше неудобств при использовании или управлении своими множественными идентичностями» [2, с. 135–136]. Нередко утверждается, что процессы глобализации «привели к реактуализации альтернативных наций, религиозных и этнических социальных групп, а также обособлению корпоративных социальных групп и элит» [3, с. 73]. Вместе с тем далеко не всегда в работах, посвященных последствиям глобализации, имеются фактические данные,

подтверждающие тезис о том, что в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному (информационному) обществу происходит ослабление национальной идентичности. В рамках данной статьи хотелось бы проверить эмпирическую обоснованность этого теоретического допущения. В целях проверки использовались данные социологических опросов.

В первую очередь обратимся к данным Евробарометра, которые охватывают длительный промежуток времени и характеризуют мнение граждан в странах—участницах европейской интеграции, находящихся на стадии перехода к постиндустриалу [4]. В 1992 г. в только что провозглашенном Европейском Союзе лишь 4 % опрошенных назвали себя европейцами, 7 % всех лиц, описывая свою идентичность, поставили на первое место европейца, а на второе место — свою национальность. При этом 38 % охарактеризовали себя исключительно через свою национальную принадлежность. Спустя 10 лет пропорции почти не изменились. В частности, в 2002 г. только 3 % граждан стран — членов Европейского Союза считали себя исключительно европейцами, а все те же 7 % самоопределились в первую очередь как европейцы, а во вторую очередь как представители своей национальности. Интересно, что по-прежнему 38 % всех опрошенных описывали себя только в категориях своей национальности. По итогам последнего опроса, проводившегося в июне 2019 г., складывается несколько иная картина. Так, «чистых» европейцев оказалось всего 2 %, а 8 % идентифицировали себя одновременно как европейцев и членов своего национального сообщества. Однако уже 33 % считали себя исключительно представителями своей национальности, но еще больше (55 %) определяли себя лицами, принадлежащими сперва к своей национальности, но потом и к европейцам. Если сопоставить последний тип самоидентификации с данными за 1992 г. (48 %) и 2002 г. (49 %), то можно констатировать некоторый рост доли лиц с таким самоопределением. Вместе с тем нельзя сказать, что за период более четверти века интеграционные процессы привели к заметному ослаблению национальной идентичности жителей стран — членов Европейского Союза в пользу особой наднациональной идентичности.

К сожалению, провести прямое сравнение с положением в иных регионах планеты не получится в силу отсутствия прямой аналогии с политическими реалиями Европейского Союза. Вместе с тем данные иных опросов, затрагивающие проблематику национальной идентичности, все же заслуживают внимания при освещении вопроса о динамике этого типа идентичности. В частности, в рамках проекта Латинобарометр в период с 1995 г. по 2009 г. проводился опрос о степени гордости принадлежности к своей национальности [5]. В результате значительный процент опрошенных демонстрировали высокую степень гордости принадлежности к своей национальности. Так, в 1995 г. таких респондентов оказалось 58,5 %, а в 2009 г. — 62,8 %, то есть большинство достаточно интенсивно и положительно переживало свою принадлежность к своему национальному сообществу. Показательно, что проводившиеся в 2017–2018 гг. опросы о желательности политической интеграции стран Латинской Америки продемонстрировали относительно сдержанные оценки. Например, в 2018 г. лишь 12,4 % безоговорочно поддерживали такой проект, а вместе с теми, кто с оговорками, но признавал полезность

такого объединения, получается 52,5 %. Отметим, что в 2017 г. сторонников латиноамериканской политической интеграции было заметно больше — 60,6 %. С учетом высокой ценности своей принадлежности к определенной национальности и при очевидно не доминирующей воле к политической интеграции можно заключить, что и в этой части мира говорить о вторичности национальной идентичности пока не приходится.

Еще меньше утверждение о преимуществе наднациональной идентичности применимо к африканским странам, поскольку перед ними до сих пор остро стоит вопрос о формировании национальной идентичности как таковой. В частности, по итогам опросов 2017—2018 гг. только 32,9 % респондентов заявили, что имеют лишь национальную идентичность, а 8,9 % декларировали, что имеют больше национальную, чем этническую принадлежность [6]. В итоге лишь 41,9 % всех граждан африканских государств имели сложившуюся национальную идентичность, а вот почти столько же (43 %) признавались в равнозначной этнической и национальной самоидентификации. При этом 13,3 % граждан имели преимущественно этническую идентичность, то есть находились на донациональной стадии социального развития. В 2005–2006 гг. ситуация не выглядела принципиально иной. Так, соотносённость себя в первую очередь с нацией показывали 38,3 % опрошенных, 40,1 % декларировали в равной степени национальную и этническую идентичность, а 15,2 % отождествляли себя с этносом, а не нацией. В результате для африканских государств в современных условиях актуальна проблема преодоления этно-племенной идентификации, утверждения и консолидации национальной идентичности, чем формирование под влиянием глобализации постнациональной идентичности.

Находящиеся в открытом доступе исследования Восточноазиатского барометра, проводившиеся с 2005 г. по 2008 г. в Китае, Камбодже, Таиланде, Индонезии, Вьетнаме, Филиппинах, Монголии, Сингапуре и на Тайване, показали, что 71 % всех респондентов определили себя через принадлежность к национальному гражданству, 11,7 % декларировали свою принадлежность к этническому или религиозному сообществу [7]. Однако 17,3 % указали тип идентичности, который исследователи определили как «другая», но не пояснили содержание этого признака. Очевидно, что разовое исследование не дает представления о динамике идентичности, но приведенные сведения показывают значимость именно национальной идентификации.

Интересно проследить формирование типов идентичности на постсоветском пространстве. В частности, данные опросов Евразийского мониторинга, проводившихся в 2014 г. во всех бывших советских республиках, кроме стран Прибалтики, Азербайджана и Туркменистана, показали, что 67,9 % в первую очередь идентифицировали себя посредством категории национальной идентичности [8]. На вопрос о том, кем вы себя лично ощущаете в первую очередь, 22,6 % ответили, что самоопределяются как носители локальной и региональной идентичности. В свою очередь только 8,5 % поставили на первое место важность интер- и метанациональной идентичности (гражданин СССР, СНГ, европеец, азиат, гражданин мира). Результаты опросов за 2016 г., из которых дополнительно выпали еще Украина, Узбекистан и Грузия, показали, что 61,8 % лиц интенсивно переживали свою наци-

ональной принадлежности, 28,7 % — локальную идентичность, а 8,1 % — наднациональную ориентацию. Обращает на себя внимание тот факт, что при опросе среди белорусских респондентов был дважды выявлен самый высокий процент тех, кто придавал важность своей принадлежности к наднациональным общностям (23 % всех опрошенных лиц). Он в несколько раз превышает аналогичные ориентации граждан иных стран постсоветского пространства. Например, в 2016 г. в России и Казахстане такой ответ дали 7 % респондентов, в Молдавии — 12 %, а, например, в Таджикистане — всего 1 % всех лиц.

Таким образом, до сих пор процессы глобализации и интеграции на региональном уровне не привели к существенному ослаблению идентичности граждан национальных государств в пользу каких-нибудь иных наднациональных типов самоидентификации («европейцы», «граждане мира», «евразийцы»). Опыт самоидентификации граждан африканских государств показывает, что в этом регионе по-прежнему актуальна проблема национального строительства и формирования национального модуса идентичности вместо трайбализма. Это косвенно указывает на слабость государств. Интересно, что и в большинстве государств на постсоветском пространстве заметный процент составляют граждане, для которых границы их идентичности задаются в первую очередь локальным уровнем.

По крайней мере, политический и экономический опыт глобализации и интеграционных процессов не ведет к вытеснению национальной идентификации населения, которая все еще тесно связана с национальным государством. Можно отчасти согласиться с замечаниями таких теоретиков, как З. Бауман или У. Бек, которые говорят о денационализации элит в результате глобализации. Однако применительно к большинству граждан следует отметить, что они по-прежнему сохраняют верность национальному сообществу. В этой связи можно допустить теоретическую правоту вывода о том, что признаком «политической катастрофы государства является актуализация этнической и религиозной принадлежности, непосредственно связанная с дроблением национально-гражданской идентичности, как социального основания политической власти» [9, с. 334]. Однако фактический анализ показывает, что данный тип идентичности все еще остается доминирующим в большинстве стран и регионов мира. Если считать размывание национально-гражданской идентичности признаком распадающегося государства, то пока говорить о демонтаже национальных государств не приходится.

Источники

1. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. — М. : Прогресс-традиция, 2001. — 304 с.
2. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. — М. : Эксмо, 2020. — 288 с.
3. Сафонова, А. Л. Глобализация: структура, сущность и атрибуты / А. Л. Сафонова. — М. : МГИУ, 2014. — 100 с.
4. Eurobarometer Interactive [Electronic resource] // European Commission. — Mode of access: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinionmobile/index.cfm/Chart/index>. — Date of access: 11.03.2020.

5. Latinobarómetro Database [Electronic resource] // Latinobarometro. — Mode of access: <http://www.latinoba-rometro.org/lat.jsp>. — Date of access: 11.03.2020.

6. Afrobarometer [Electronic resource]. — Mode of access: <https://www.afrobarometer.org/>. — Date of access: 12.03.2020.

7. East-Asian Barometer [Electronic resource] // ASEPIJOS. — Mode of access: http://www.jdsur-vey.net/jds/jdsurveyAnalysis.jsp?ES_COL=101&Idioma=I&SeccionCol=06&ESID=503. — Date of access: 13.03.2020.

8. Гражданская и территориальная идентичность [Электронный ресурс] // Евразийский монитор. — Режим доступа: http://eurasiamonitor.org/grazhdanskaia_i_territori-alnaia_idien-tichnost. — Дата доступа: 14.03. 2020.

9. Сафонов, А. Л. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций / А. Л. Сафонов, А. Д. Орлов. — СПб. : ЛИТЕО, 2018. — 336 с.

<http://edoc.bseu.by>

СНИЛ «Актив»

П. А. Дудина

Научный руководитель — кандидат экономических наук О. П. Моисеева

ПРИЗНАНИЕ И ОЦЕНКА ГУДВИЛЛА В МЕЖДУНАРОДНОЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ УЧЕТНОЙ ПРАКТИКЕ

В статье рассматриваются требования Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО) по признанию и оценке гудвилла в сравнении с законодательством Республики Беларусь по бухгалтерскому учету и отчетности. Определены и рассмотрены особенности признания и оценки гудвилла как объекта бухгалтерского учета и элемента консолидированной финансовой (бухгалтерской) отчетности.

В условиях всеобщей экономической глобализации современной тенденцией развития экономических отношений в республике является создание групп организаций в виде холдингов, хозяйственных обществ с его унитарными предприятиями, дочерними и зависимыми хозяйственными обществами. Регистрация холдингов в Министерстве экономики Республики Беларусь осуществляется с 2010 года. Одними из первых были созданы такие холдинги как «Горизонт», «Агромашсервис», «Белкоммунмаш», «БелОМО», «БЕЛАЗ-холдинг», холдинговая компания «Пинскдрев» и др. На сегодняшний день групп организаций в виде холдингов насчитывается более ста сорока [1].

В этих условиях новым объектом бухгалтерского учета становится гудвилл (goodwill — термин, принятый в международной практике), который отражается в консолидированной финансовой (бухгалтерской) отчетности группы организаций и указывает на существующие экономические преимущества организаций, входящих в группу, характеризует их деловую репутацию. Новизна данного показателя для системы отечественного бухгалтерского учета и отчетности обуславливает необходимость исследования вопросов признания и оценки учетной категории гудвилл.